

УДК 81'26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/9

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУСИНСКИХ ПАРЕМИЙ НА ФОНЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

О.В. Ломакина¹, В.М. Мокиенко²

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
109651, Россия, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, кор. 2
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

В статье анализируются национально-культурные коннотации паремий русинского языка на фоне русской и украинской паремиологии. Особое внимание уделено таким этнолингвомаркерам, как имена собственные (топонимы и имена людей), этнонимы (названия народов и племен) и названия артефактов, присущих материальной культуре (предметы быта, одежда и т. п.). Как показывает сопоставление с близкородственными славянскими языками, русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений о межславянском языковом взаимодействии. Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством. Выявление национально специфического на фоне общего поможет более объективно и детализированно раскрыть познавательный потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской.

Ключевые слова: пословица, русинские пословицы, русские пословицы, украинские пословицы.

COGNITIVE POTENTIAL OF RUSIN PROVERBS COMPARED WITH THOSE IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

O.V. Lomakina¹, V.M. Mokienko²

¹ St. Tikhon's Orthodox University

9-2 Ilovayskaya Street, Moscow, 109651, Russia

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

² Saint Petersburg State University

11 Universitetskaya Embankment, Sankt-Peterburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article analyses national and cultural connotations of proverbs in the Rusin language compared with the Russian and Ukrainian paremiology. Special attention is given to such ethnolinguistic markers as proper names (toponyms and anthroponyms), ethnonyms (names of the peoples and tribes) and the names of artifacts of the material culture (household items, clothes, etc.). Compared with cognate Slavic languages, Rusin paremiology and phraseology gives a lot of material about the interaction among the Slavic languages. Being on the border of Eastern and Western Slavic worlds, Rusins remain genetically committed to Eastern Slavia, yet they are open to cooperation with the West Slavic world. Identifying specifically national against the general allowed more objective and detailed description of the cognitive potential of both Rusin paremiology and its closely related Ukrainian and Russian paraemia.

Keywords: proverbs, Rusin proverbs, Russian proverbs, Ukrainian proverbs.

Фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления «языка культуры», описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации. Одним из источников интерпретации, безусловно, является паремиологический фонд языка: на высокую ценность паремий с позиций лингвокультурологии обращают внимание многие фразеологи (М.Л. Ковшова, Н.Н. Семененко, В.Н. Телия и др.).

Особая роль в реализации познавательной функции паремий принадлежит *национальным лингвомаркерам* (resp. *этнолингвомаркерам*) – таким компонентам паремии (включая фразеологизмы и

крылатые выражения), которые запечатлевают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака (Ломакина 2016: 94).

Этнолингвомаркерами в паремиях служат следующие номинации:

1) имена собственные, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» (Горбаневский 1988: 3);

2) этнонимы – названия народов и племен;

3) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметы быта, одежда.

Среди паремий с компонентом – именем собственным – можно выделить следующие группы: 1) с антропонимом – именем собственным; 2) топонимом – наименованием географических объектов; 3) хрононимами – названиями праздников; 4) зоонимами – кличками животных; 5) этнонимами – названиями народов и племен.

При сравнительно-сопоставительном анализе паремиологического материала важную роль играет определение культурологической информации. Несмотря на внешнее различие мотивационной зоны паремии, денотативная зона может совпадать, что позволяет делать вывод о типологическом сходстве пословичного материала.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ зафиксированного лексикографически паремиологического фонда с компонентами – этнолингвомаркерами русинского языка на фоне русского и украинского языков.

В отличие от русинской паремиографии, представленной «Русско-русинско-украинским фразеологическим словарем» Д. Попа (2011), российская и украинская паремиография имеет богатые традиции представления языкового материала. Этим фактом отчасти объясняется количественное превосходство русских и украинских паремий по отношению к русинским. В словаре Д. Попа представлен богатый русинский материал, подтверждающий как глубокую генетическую привязку к славянскому языковому пространству (особенно украинскому и русскому), так и достаточно большую долю национально специфических особенностей, обусловленных как генетическими (resp. культурно-историческими) факторами, так и активными языковыми контактами с украинской, словацкой, чешской, а также и с венгерской языковой зоной.

К XIX в. относится появление словарей В.И. Даля, М.И. Михельсона, П.К. Симони, И.М. Снегирёва. В XX в. были опубликованы словари пословиц и поговорок, составленные В.П. Аникиным, А.М. Жигулёвым,

В.П. Жуковым, В.И. Зиминым, М.А. Рыбниковой, А.И. Соболевым, А.С. Спириным и др. В первое десятилетие XXI в. увидели свет следующие словари: «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века» К.Р. Галиуллина, Д.А. Мартыанова (2006), трилогия «Большой словарь русских поговорок» (2008), «Большой словарь русских сравнений» (2008), «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010), «Народная мудрость в русских пословицах» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2011). Наиболее значимым по количеству представленного материала является «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (около 70 тыс. пословиц). Из числа украинских лексикографических источников выделяются фундаментальные словари М. Номиса, И. Франко и М.М. Пазяка (Українські 1993; Українські 2001). По масштабам описываемой в этих тезаурусах украинской паремиологии они соразмерны русским источникам, а по точности паспортизации материала и его ареальной характеристики даже их превосходят.

Несмотря на количественную асимметрию паремиологического фонда избранных языков, в типологическом плане можно обозначить выделенные выше группы паремий, которые обнаруживают большое сходство.

Среди паремий с компонентом – именем собственным – можно выделить следующие группы:

1. С антропонимом – именем собственным: русин. *Каже Маря, ош была бита, айбо не каже, за што; Гафа была Гафа, а пан був пан; Захотіла Гафа пана тай утратила Івана; Нигда не буде из Івана пана;* рус. *По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Мели, Емеля, твоя неделя; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валяются; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван* и др.; укр. *По Савці свитка, по пану шапка; Голодному Федоту і ріпа в охоту; Мели, Іване, доки вітер стане; Ні сюди Микита ні туди Микита; Признається Марія, що її били, але не каже, за що; Гафія була Гафія, а пан був пан.*

В количественном отношении преобладают паремии первой группы с компонентом-антропонимом, поскольку имя является хранителем культурной и исторической информации, участвует в создании национальных стереотипов, в появлении ассоциаций, нередко становится прецедентным. По данным О.П. Альдингер, словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля включает 812 антропонимов (Альдингер 2006: 14), что позволяет судить о русском именнике, сложившемся к XIX в. Наиболее распространенным в русских, украинских и русинских паремиях является антропоним *Иван*.

Такие антропонимы, например, как *Грицько, Митрий* и *Иван*, представленные в материале, отражают несомненную близость русинского именослова с украинским и русским: *Говори, Грицю, Богородицю, а я буду Віруву; Чекай, Митре, доки ся на хвилю вутре; Иван не Иван, лем ош писати не знає; Носить ги дурний Иван двірі; Што мож паноуи, тото не мож Иванови*. Показательно в то же время, что и эти традиционные восточнославянские имена могут чередоваться со специфично русинскими. Так, женское имя *Гафа*, представленное в паремиях (ср. *Гафа* была *Гафа*, а пан был пан) может синкретично сосуществовать в одной поговорке *Захотіла Гафа пана тай утратила Ивана*. Разные корни имеют другие имена, отраженные русинскими паремиями, напр., *бити, ги Гамана*. К особой категории антропонимов можно отнести исторические имена, маркированные влиянием Австро-Венгерской империи (*Такі розумняки были ищи за Марії Турійзії*) или созданные искусственно, путем словесного обыгрывания, напр. *Мусай* – *великий пан*, где *Мусай* образовано от глагола *мусити* ‘долженствовать’, а сама поговорка является калькой со словацкого или чешского (ср. чеш. *Musil je velký pán*).

Наряду с официальным именником продуктивной при образовании паремий в рассматриваемых языках является народная форма имени, что отражает эпоху расслоения именника на официальный и неофициальный: русин. *Гафа была Гафа, а пан был пан* (*Гафа* ← *Гафя*), рус. *Ведают о Ерёме в большой хороме; Фома не без ума, Ерёма не без промысла; Указчик Ерёма, указывай дома; По Ерёме шапка, по Сеньке колпак; Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы – со дна не бывали; Наш Ерёма не сказался дома; Ерёма! Сиди дома – погода худа; Сиди, Ерёма, дома, считай веретёна; Сидел бы ты, Ерёма, дома, да точил веретёна; Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил веретёна* (*Ерёма* ← *Еремей*).

Как показывают наблюдения, женских имен в пословицах намного меньше, чем мужских. Это закономерно: поскольку женщина в обществе играла второстепенную роль, её жизнь чаще всего ограничивалась домом и семьей. Исследователи (М.А.Алексеев, В.М.Мокиенко, Е.В.Ничипорчик, В.Н.Телия) неоднократно отмечали гендерную асимметрию при оценке женщин во фразеологии и паремиологии, что объясняли экстралингвистической причиной – наличием следов патриархата.

2. С хрононимами – названиями праздников: русин. *Дав Бог Юря – не замерзне куря; На Пётра ледва душа тепла*; укр. *Юрійв день – курчаткам радість; Сюди тень, туди тень та й минув Івану день; У петрівку день – рік*; рус. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Дорого яичко ко Христову дню; Нынче – Саввы, завтра – Варвары,*

а послезавтра – Симоны-гулимоны лентяя преподобного; Не все коту масленица, будет и Великий пост.

Связь со славянской паремиологией и – шире – народными традициями обнаруживают русинские паремии с компонентами – названиями праздников: *Дав Бог Юря – не замерзне куря; На Пётра ледва душа тепла.* Традиционно у славянских народов Юрьев день был переходом от осени к зиме: *Після Юря восени буде каша і в дурня.* А пословица *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* указывает на то, что Юрьев (Егориев, День памяти великомученика Георгия Победоносца) отмечался 23 апреля (6 мая), 26 ноября (9 декабря), т. е. весной припасы кончались, было голодно, и в конце осени, когда было холодно.

3. С зоонимами – кличками животных: рус. *Укачали Бурку крутые горки; Савраска да Каурка – на два века;* укр. *Люблю Сивка за звичай: хоч крекче, та везе; Чуе Сірко, де кабана смалять; Позичив у Сірка очей та й дивиться; Не один пес Гривко.*

4. Стопонимом – наименованием географических объектов: русин. *Говорять ги троє на Уклині; Родом из Мукачева, а ходом з Ужгорода;* рус. *Дядя едет из Серпухова, бороду гладит, а денег нет;* укр. *Язык до Київа доведе;* водные объекты; село – *Кому село Любятово, кому горе лютое,* дериватами от топонимов – этниконами – названиями жителей (*Смоляне пехтерём солнце ловили; Не учи астраханца рыбу ловить*), макротопонимами (*Прилетел гусь на Русь – погостит да улетит; У нас на Руси силу за пазухой носи; Русь святая белу свету голова*).

5. С этнонимами – названиями народов и племен: русин. *Два жида – токма, два русины з Колочавы – битка; Русины до спўванок звикавуть з пеленок; Русины мавуть такий сохташ: пувіч правду, та голову тти провалить;* рус. *Цыган от дождя под бороной спасался; Незваный гость хуже татарина;* укр. *Два євреї – торг, два русини – бійка.*

По понятным причинам национально и регионально маркированы компоненты-топонимы, входящие в русинские паремии: *Родом из Мукачева, а ходом з Ужгорода; Говорять ги троє на Уклині.* И столь же естественна такая маркировка в этнонимах, где на первое место выходит самоназвание **русин: Русин по вашару мудрий; По ярмарці русин мудрий; Русины до спўванок звикають з пеленок; Русины мавуть такий сохташ: пувіч правду, та голову тти провалять; У русина слово є слово; За пінязі – мельтѡвшагош, а без гроши – русин; Де русинова сліда, там усяды біда; Твердий русин; Мудрий лях по шкоді, а русин по часі; Посунься, пане-ляше, хай русин сяде! Русина лях бє та й сам гвалт кричит; Породила вівця німця, а пана кобила, а русина молодого дівка чорнобрива.**

В русинской фразеологии богато представлен и материал, отражающий *couleur locale*, т. е. различные реалии жизни и быта Закарпатья. Разумеется, он не весь «чисто» русинский, но дает яркое представление о народной культуре этого региона: *А пропав бысь, як сўль у окропі; Бочкўр до бочкора, а чобўт до чобота; Не хвалися бочкорами, бо дїдо знає, чиї они; Дай грайцарь; Не заслужив и поламаного грайцаря; Верне тти дōвг, як найде на цуравўм мōсті; Голова ги дыня; Дыня не варить; Гандры-на-мандры; Гўрка їх брынза; Заварити каламыйку; Чичку товды рвуть, коли цєите.* Компоненты таких паремий достаточно легко транспонируются на более широкое славянское пространство, ибо являются вариантными. Так, оборот *заварити каламыйку* генетически, несомненно, связан с общеизвестным укр. *заварити кашу*, рус. *заварить кашу* и под., имеющим широкий ареал и интенсивную вариантность: блр. *заварыць кашу*, укр. *заварити кашу (пиво, халепу), заварити круту кашу, наварити каші (пива), наварити юшки*; чеш. *být v pěkne kaši, dostat koho do pěkne kaše, dostat (vytáhnout) koho z kaše, nechat koho v kaši, navařit (zavařit) komu pěknoi kaši*; в.-луж. *wusmuž nawarić*; слвц. *navariť si kaše*; болг. *забъркам / забърквам каша*; х.-с. *skuhati (zapržiti, osoliti, zapapriti) čorbu, variti / svariti (kuhati / skuhati, mutiti / zamutiti) kaši* и т. п. (Даниленко 2000: 77–78).

Немало национально и регионально специфического отражено и в русинских паремиях, сохраняющих мифологические реминисценции. При это нетрудно заметить в них сильное западнославянское (особенно словацкое и частично чешское) языковое и культурологическое влияние – ср. *Гута бы тя забила; Гута го знає; Мара бы тя побила; Мара го знає; Мара тти до нього* и под. Особо здесь активно частотное наименование чёрта в словацком языке – *fras*: *Фрас го знає; Де тя фрас носить? Єден тото фрас; Замашений ги фрас; Заплатить ти фрас; Мудрый ги фрас; Скупий ги фрас; Ни чорт ни фрас; Студено ги фрас; Якогось фраса пришдōв?; Якогось фраса вже удумов; До фраса; До фрасовой каріки.* Характерно, что этот словакизм может вступать в вариантные отношения с другими мифологизмами: ср. *Кий фрас го принўс? – Кий вїхор (грўм, мара) го принўс?*

Влияние словацкого и чешского языков на русинскую паремиологию и фразеологию с не меньшей интенсивностью проявляется и во многих других ее группах. Вот лишь небольшой перечень явных словакизмов и богемизмов, которые стали неотъемлемой составляющей русинского языкового пространства: *Гаром-натроє (зуй-руп – та готово); Гуня до гуні, а сірак до сірака; Густи мало хотіти, треба ищи й знати; Не тото файное, што файно, а што кому ся любить; Покуто ти моя; Доста и єдного гриба в полўву; Жебракови ищи й*

сонце не так світить; Осінь – богачка, а ярь – жєбращка; *Играйте, чїжмы мої, бо суть у ня трїї, тай сесе не мїї; Из свого пєца и дым не чадить; И красно, и файно; Коруна бы їўє з головы не спала; Красу на танїр не покладеш; Пысок му фурт ходить; Такий ги верба – фурт росте; У пьаницї фурт мясници; У доброго мужа жона як ружа; Што у шпайзу не лежить, най тис я и не бажить.* За каждой такой единицей лежит история языкового и культурного взаимодействия русинов со словаками и чехами. Немало здесь и прозрачных фразеологических и паремиологических калек: *З ничого нич* – слвц. *z ničoho nič* – чеш. *z ničeho nic*; *Кажда лишка свїї хвїст хвалить* – слвц. *Každá liška svoj chvost chváli* – чеш. *Každá liška svůj ocas chváli*; *Качка бы тя копнула* – слвц. *Kačka by ťa kopla* – чеш. *Kačka by tě kopnula*; *На сяті нигда* – слвц. *na svätého Nikdy* – чеш. *na svatého Nikdy*. При этом, калькируя ту или иную паремию из западнославянских языков, русины нередко добавляют собственный вариант – ср. *Де горить, там гаси, а де свербить, там шкребчи* при наличии слвц. *Со ťa перáлі, nehas* и чеш. *Со tě перáлі, nehas*.

Таким образом, русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений о межславянском языковом взаимодействии. Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством.

Выявление национально специфического на фоне общего поможет более объективно и нюансировано раскрыть познавательный потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской.

Патриарх нашей филологии профессор Б.А. Ларин, раскрывая широкие перспективы исследований в области украинской народной фразеологии на X Республиканском диалектологическом совещании в Киеве, начал свой доклад эпиграфом: «*Якби у мене було пшоно та сіль, то я б зварив кашу, – та жаль, що нема сала*» (Ларин 1959). Тогда, в далеком мае 1959 г., действительно у фразеологов Украины еще не было ни пшена, ни сала, ни даже соли, т. е. «материальной субстанции» для серьезного погружения в мир украинской народной фразеологии. С тех пор она ушла далеко вперед. И русинская фразеология от нее тоже не отстает. Хотя бы и потому, что близкая поговорка уже зафиксирована в словаре Д. Попа: *Є вода – не є муки, є мука – неє солєє* (Поп 2011: 122). Значит, и у исследователей русинской фразеологии будут и вода, и мука, и соль. Разумеется, соль фразеологии и паремиологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- блр. – белорусский язык
 болг. – болгарский язык
 в.-луж. – верхнелужицкий язык
 рус. – русский язык
 русин. – русинский язык
 слвц. – словацкий язык
 укр. – украинский язык
 х.-с. – хорватско-сербский язык
 чеш. – чешский язык

ЛИТЕРАТУРА

Альдингер 2006 - *Альдингер О.П.* Фразеоломастическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И.Даля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 24 с.

Горбаневский 1988 - *Горбаневский М.В.* Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. М.: Изд-во УДН, 1988. 88 с.

Даниленко 2000 - *Даниленко Л.І.* Національно-культурна семантика чеської фразеології. Київ – Коломия: МББФ «Берег», 2000. 176 с.

Ларин 1959 - *Ларин Б.А.* Про народну фразеологію // Українська мова в школі. 1959. № 20. С. 135–143.

Ломакина 2016 - *Ломакина О.В.* Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 390 с.

Мокиенко 2010 - *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Поп 2011 - *Поп Д.* Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород [б/и], 2011. 241 с.

Українські 1993 - *Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад. М. Номис; упоряд., прим. та вступна ст. М.М. Пазяка.* Київ: Либідь, 1993. 768 с.

Українські 2001 - *Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток / упоряд. М.М. Пазяк.* Київ: Наукова думка, 2001. 392 с.

REFERENCES

Aldinger, O.P. (2006) *Frazeonomasticheskaya kartina mira v "Poslovitsakh russkogo naroda V.I. Dalya"* [The Phraseonomastic picture of the world in V.I. Dal's "Proverbs of the Russian people"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Smolensk.

Gorbanevskiy, M.V. (1988) *Onomastika v khudozhestvennoy literature: filologicheskie etyudy* [Onomastics in the belles-lettres: Philological essays]. Moscow: UDN.

Danilenko, L.I. (2000) *Natsional'no-kul'turna semantika ches'koi frazeologii* [National-cultural semantics of Czech phraseology]. Kiiv – Kolomiya: MBBF Bereg.

Larin, B.A. (1959) Pro narodnu frazeologiyu [On popular phraseology]. *Ukrains'ka mova v shkoli*. 20. pp. 135-143.

Lomakina, O.V. (2016) *Frazeologiya vyazyke L.N. Tolstogo: lingvisticheskiy komentariy i leksikograficheskoe opisanie* [Phraseology in L. Tolstoy's language: Linguistic commentary and lexicographical description]. Philology Doc. Diss.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Pop, D. (2011) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i russko-ukrainsko-rusins'kiy slovar'* [The Rusyn-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusyn Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].

Ломакина Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновский гуманитарного университета (Россия).

Lomakina Olga – St. Tikhon's Orthodox University (Russia).

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Mokienko Valerij – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru